

СТЕПАН ЛУКИЯНЧУК

День длиною в 10 лет

РОМАН-МОЗАИКА. ЧАСТЬ 1

Степан Лукиянчук

День длиною в 10 лет.

Роман-мозаика. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712337

ISBN 9785449303066

Аннотация

Проблематика в обозначении времени вынесена в заглавие-парадокс. Это необычное использование словосочетания – день не тянется, он вобрал в себя целых 10 лет, за день с героем успевают произойти самые насыщенные события, несмотря на их кажущуюся обыденность. Атрибутика несвободы – лишь в окружающих преградах (колючая проволока, камеры, плац), на самом же деле – герой Николай свободен (в мыслях, погружениях в иллюзорный мир). Мысли – самый первый и самый главный рычаг в достижении цели!

Содержание

Часть 1. В параллельном мире	5
Глава 1. Две реальности	5
Глава 2. Подневольный подъём	12
Глава 3. Первый рабочий день	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

День длиною в 10 лет Роман-мозаика. Часть 1

Степан Лукиянчук

© Степан Лукиянчук, 2018

ISBN 978-5-4493-0306-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. В параллельном мире

Глава 1. Две реальности

Об Интернете я вообще знал тогда только по слухам. Я «там» никогда не был. Конечно, были в голове некоторые представления о том, что он из себя представлял, но эти представления были весьма туманными.

Как-то мне посчастливилось прочитать одну очень любопытную книгу о том, каким образом можно заработать деньги в Интернете. В этой книге много чего было непонятного и запутанного для меня. Однако эта книга увлекла меня не хуже приключенческого романа, потому что в ней мне приоткрывался новый, чуждый, но такой притягательный своей бесконечностью мир Интернета.

В начальных главах книги читателя знакомили с какими-то платёжными системами, банкоматами, терминалами... Я в этих вещах мало что понимал. Но мне повезло!.. когда-то я видел настоящий «живой» банкомат. И даже снимал с пластиковой карточки деньги. (Я временно жил тогда в областном центре, а подружка работала в филиале одного крупного банка финансистом и получала зарплату на карточку). Значит, примерно, представление о том, что такое банкомат, я имел. А вот что такое «платёжный терминал»?

Конечно, догадаться могу. Вот и определение из книги «выудил»: «это технический комплекс, обслуживающий приём платежей от физических лиц в режиме самообслуживания». То есть тогда я для себя так уяснил, что «П.Т.» – платёжный терминал – это штукавина, в которую можно загружать деньги и оплачивать различные услуги, а деньги оттуда снять нельзя. У меня возник вопрос: не проще ли в таком случае совместить этот терминал и банкомат (хотя бы можно было сэкономить на оборудовании)?

В каком-то из модных журналов я наткнулся на рекламу нового планшетника. Реклама утверждала, что благодаря помощи специальных новшеств, автосёрфинг стал более удобным. Автор книги о заработке в Интернете утверждал, что автосёрфингом можно заработать какие-то деньги. Помню, тогда у меня снова возник вопрос: почему люди не используют возможность подзаработать практически дармовые деньги? Ха-ха, как бы не так!

Также из книги мне интересно было узнать о таких вещах как копирайтинг, спичрайтинг, рерайтинг, фотосток, киберскотинг, тайпскотинг и ещё там какой-то «скотинг». Эти виды заработка в Интернете мне показались более достойными интересными и реальными, нежели чем странный и непонятный сёрфинг по беспокойным волнам глобальной сетевой паутины. Я узнал о «скамах» и «спамах». Я часто слышал эти слова по телевизору и из журналов, но до того времени в толк не брал, что это такое.

Я целыми днями ходил с этой книгой, читал её тёплыми вечерами, сидя на скамейке и даже по ночам лёжа на кровати в свете уличного фонаря. Многие люди видели этот, ставший моим спутником под мышкой, бумажный переплёт. Стали интересоваться, что я читаю с таким увлечением. Большинство интересовалось из праздного любопытства, потому что видели странного человека со странной книжкой в руках, который (подозрительно!) по ночам, когда все нормальные спят, предпочитал сидеть в коридоре на корточках и читать.

Все же я дал почитать мою книгу всего лишь двум людям, которым доверял более всего. Позже я спросил их мнение о прочитанном. Впечатления одного из них вряд ли будут интересны. Он прочитал книгу без особого вдохновения, только с одной целью, чтобы скоротать унылые вечера и отвлечься от удручающей реальности. А вот впечатления другого были намного «цветастее» и обильнее. Мне было интересно на досуге с ним о книге поговорить (это было на работе во вторую смену). Мне понравилось, что он получил от чтения просто огромное удовольствие, вследствие этого беседа была оживлённая и даже вышла за рамки обсуждаемой темы.

На каких размышлениях подловил я себя за время нашей беседы? Первое, что пришло в голову – мысль о том, что, должно быть, мир сильно, сильно, сильно... сильно изменился. Странно, мне кажется, что прошло какое-то время, но не столько много, чтобы мир изменился до такой степени! А это ведь так. Если бы вы видели, как я удивлялся и воскли-

цал, когда очередной «заехавший» сюда земляк, рассказывал мне об изменениях, произошедших там, в родном краю! Как меня поразила новость о том, что повсеместно устанавливаются банкоматы, а двери в подъездах стали железными, с электронным ключом. А это слово – «домофон» – теперь он установлен практически в каждой квартире! Это невероятно! Я его слушал, и мне было жутко обидно, что о таких вещах я узнаю от постороннего человека, а не вижу собственными глазами. Множество было мыслей. Но разговор-то теперь совсем о другом!

После прочтения книги в голову пришла ещё одна любопытная мысль. Мне едва ли по силам будет объяснить её. Но постараюсь кратко. Жизнь свободных людей невероятно отличается от жизни людей, вольно или невольно ограниченных в своей свободе. Вроде бы и живём в одно время, в одном месте, при одной и той же власти и т. д. Жизнь отличается, и в то же время похожа для этих групп людей ровно настолько, насколько схожи характеристики двух параллельных линий. Зеки и свободные живут в одно и то же время, но в разных информационных полях. Например, улучшилось питание, перестали закрывать в клетки, не стали бить дубинками-шокерами на вахте – в общем, любые улучшения – и для зеков это великий прогресс. Установили таксофонный аппарат, придумали видеопереговоры – это прорыв, прогресс для заключённых (если, например, взять во внимание, что ещё во второй половине 90-х в некоторых исправи-

тельных учреждениях люди недоедали и были бы рады даже четвертинке той похлёбки, которую дают заключённым теперь!) Для осуждённых это невероятная гуманизация!

В то же самое время на свободе прогресс тем более не стоял на месте. Но шёл он вперёд иными темпами (естественно, быстрее) и вроде бы параллельно, но всё-таки иначе. Получается кошмарный разрыв между этими «мирами». То, что для «одного мира» естественно, и, можно сказать, не имеет актуальности, для другого «мира» чудно, необыкновенно, поразительно, потрясающе! Всё бы ничего, если бы при таких различных условиях жизни люди были бы отлучены от нормальности на короткий промежуток времени. Отлучение происходит на года! Если оступившийся провёл за решёткой больше пяти лет, то он вынужден представлять эту жизнь на свободе, судить о ней мерками пятилетней давности.

При освобождении, думаю, ему придётся тяжело и сложно будет осуществить переход из одного «мира» в другой. Утрачены прежние связи, знакомства, социальный статус, навыки, а главное, забылся опыт нормального общения: вместо «рыкания» и «гавкания» – «здрасьте» и «будьте любезны». За годы у осуждённого изменились интересы, ценности, появился страх, недоверие, появились другие методы достижения целей. В обыкновенном смысле он перестал себя уважать, потерял уважение людей, получил социальное «клеймо» – зек, которое не смоешь и будет преследовать

его всю оставшуюся жизнь. Люди будут принимать и мерить его по «одёжке» преступника, и всегда найдутся те, которые не пустят его в своё общество, будут презирать, не подадут руки. Зек навсегда для них останется презренным человеком, человеком второго, третьего... сорта. Это факт. Наверняка, поэтому многие из зеков возвращаются обратно в свою среду. Потому что хотя бы здесь будет общество, которое не преследует по выше названным причинам. В колонии этот человек, по крайней мере, занимает свою определённую нишу, определённый статус. И презрительное на свободе слово «зык», в понимании здешних обитателей наполняется конкретным смыслом и произносится с определённым уважением: «мы зеки» – то бишь, не то чтобы как сыр в масле катаемся, но объединяемся в совершенно конкретное сообщество людей по несчастью. А пока «бывший» находится ещё на свободе и если, к несчастью, рядом с ним нет человека, который мог бы его поддержать, то его мало-помалу стаскивает с прямого пути на обочину нормальной жизни. Естественно, что он старается обрести себя в той среде, которая его не клеймит и не отталкивает.

К сожалению, способы унижения и наказания в нашем государстве развиты очень сильно, но совершенно не отлажен механизм исправления, перевоспитания, возвращения «отлучённого» в нормальную среду. Как бы ни хотелось обратного, обществу всё равно придётся принимать (хоть на время) отбывшего наказание. Так как по преобладающему мне-

нию общества, «зеки бывшими не бывают», его при первой возможности пытаются упрятать за колючую проволоку, и если где-то что-то произошло, как правило, первым тычут пальцем именно в этого «маргинала». Поэтому по-настоящему перевоспитывать зеков никто не собирается, кормят плохо, лечат плохо. Государству они нужны голодные, больные и тупые. Например, помнится, вышел указ по нашему Управлению, запрещающий пропускать в передачах какую бы то ни было литературу (?). Разрешалась только та литература, которую через магазин выписал сам заключённый. Откуда зеку достать деньги на книги? При неофициальной зарплате в месяц после всевозможных вычетов 300—400 рублей?! Обеспеченных заключённых здесь мало.

К чему я такую беседу развёл? Какова мораль? «Не садитесь, детки, в тюрьму!..» – не только это. Создаётся колоссальный разрыв между «тем» и «этим» миром. И порой преодолеть этот разрыв удаётся не всякому желающему, обрести наконец покой и нормальную жизнь. Живём в одно время, можно сказать, почти бок о бок друг с другом, но совершенно по-разному. Узнавая об изменениях, происходящих на свободе, я, ей-богу, чувствую себя здесь неандертальцем!

Глава 2. Подневольный подъём

Ужасный до омерзения звонок пронзительным буравчиком врезался в оболочку моего подсознания и заставил моё «Я» вновь вернуться из сказочной страны грёз в унылый, опостылевший, пугающий своей чуждостью мир. В мир, где жесточайшее уныние граничит с отчаянным весельем, любовь к неодошевлённому – с ненавистью к ближнему.

Самая, наверно, тяжкая мука для любого заключённого – подневольный подъем. По крайней мере, это было мукой в данный момент для меня. Немыслимо даже вообразить, что за триста шестьдесят пять дней в году подневольный испытывает это ощущение ровно триста шестьдесят пять раз. Причём для большинства это продолжается не год, не три и не пять.

Однако подъём! Нужно встать, заправить до проверки кровать, чтобы после неё обратно в отряд больше не возвращаться. Открываю глаза, где-то посередине груди щемящее чувство страха, тревоги и озлобленности на всё вокруг. Я упорно не хочу подниматься, глаза сами собой закрываются.

Сейчас бы натянуть на голову одеяло, свернуться эмбрионом и обратно в страну грёз, пока дверь туда окончательно не захлопнулась. Но этот дикий неприручаемый пёс-страх уже караулит меня возле заветной дверцы и его оскал вгоняет в меня тревогу. Усилием воли я открываю глаза, разгоняю

дымку перед глазами, усиленно хлопая ресницами.

Какой страх? Чего, в моем, откровенно говоря, и так неза-
видном положении можно бояться? Да в том-то и вся «чуда-
коватость» ситуации: чем больше я теряю, тем сильнее боюсь
потерять ещё больше. Тревога, что из-за своей расслаблен-
ности я окажусь в более худшем положении. Хотя куда хуже?
В этом смысле гораздо спокойнее не выделяться из толпы,
из общей массы таких же, как и я зеков, заключённых. Лиш-
нее замечание, рапорт от администрации ничего хорошего
не принесёт в этой жизни – только проблемы, а я их не хочу.

Быстро скидываю одеяло, подушку, простыню, распрям-
ляю матрас, заправляю простыню, сверху одеяло и ещё одну
простыню – заправка «набело» – закидываю и прихлопываю
подушку – всё, готово! Натягиваю брюки и куртку, «феску»
на голову, ноги в ботинки и вон из секции. Пока иду, охва-
тываю взглядом отряд. Люди ещё ходят туда – сюда, значит
не последний – и слава Богу!

Выскакиваю на улицу – солнца нет, небо пасмурно и пре-
датель ветер. Что же, в самом деле, за наказание такое!?
В этом году ещё лето не видели – то дождь, то ветер. Всю
зиму мечтаешь, что летом, наконец, отогреешься – фиг там,
вернее, тут! Ещё какое настроение по утрам – не прибить бы
кого по неосторожности.

Ага, вот и голос по радиорупору сухим треском объявляет
проверку: «Внимание, объявляется проверка. Старшим дне-
вальным построить отряды в локальных участках». И всегда

одно и то же – тоска! Люди строятся в шеренги и смолят, смолят. Не покурить между подъёмом и поверкой – это как чего—то недополучить. Покурить – это пайка положняковая! Покурил – и можно стоять.

Вот как раз гимн заиграл. Стою, зеваю каждые пятнадцать секунд. Меня то потряхивает, то пошатывает, подтанцовываю под «музычку» – знобит, значит. Свет немил. Ещё бы он мил был, когда смотришь сквозь призму остекленевших глаз с опухшими до красноты веками. Я не знаю, до какой степени они у меня опухли и покраснели, но, разглядывая людей вокруг себя, делаю неутешительный вывод.

Над зоной завис гул сотен охрипших голосов. Помню, в первый раз меня это бесконечно поразило. Тогда я только-только поступил в отряд после распределения в карантине. Моя первая утренняя поверка, этот гул и не прекращаемый чахоточный кашель то тут, то там. На свободе, когда освобожусь, этот момент будет одним из множества воспоминаний о годах, проведённых в неволе. Маленькая поправка – если освобожусь...

А, вот и проверяющий шагает. Первые ряды вытянулись в «струночку», второй уже слабиночку даёт – и так по убывающей до самого до пятого. Вот почему люди «почтенные», в здешнем понимании, не хотят вставать в первый ряд – чем дальше от него, тем вольности больше. А где же я стою? Да где придётся, мне всё равно. Значит, я не почтенный человек? Конечно, нет, откуда взяться чести, коли здесь сижу.

Честь у меня суд отобрал – оставил только одно номинальное человеческое достоинство.

Идёт капитан, в полусогнутой руке дощечка для подсчёта, которой он мерно отсчитывает ряды: пять, десять, пятнадцать, двадцать... считает, считает. Остановился, задумался на мгновение и приступил к записыванию цифр, что диктует ему старший дневальный. Удивительное дело наблюдать за поверяющими. У каждого из них свой манер, свой неповторимый стиль, поведение. Из всего этого можно сделать предварительные выводы о характере каждого. Какой-то у заключённых вызывает ропот и негодование, а какой-то, наоборот, одобрение. «Хорошего» капитана мы заметили ещё издали. Наше настроение немного улучшилось – нудная проверка пройдёт быстро.

Смотрю в след удаляющемуся капитану. За решёткой сижу уже не первый год. Информация из того «потустороннего» мира всегда в цене. Особенно если её несут живые люди, свободные люди. Вот, идёт он – капитан – шагает себе с дощечкой в руке. Что ему до нас смертных? Сытый голодного никогда не уразумеет – восприятие реальности совсем иное у обоих. Его дома ждут любимая жена и дети, в гараже стоит машина, за окном хозяйство, свои заботы, проблемы, радости, утешения, а самое главное – он свободный! Он сам вправе распоряжаться собой, собственным временем, в его воле самому планировать и распределять свою жизнь. В глазах рядового заключённого он, как минимум, на ступеньку

стоит выше по социальной лестнице, потому что обладает таким бесценным даром, которого лишены мы – СВОБОДОЙ!!! Поэтому так интересно человеку несвободному наблюдать за человеком вольным. При отсутствии личной жизни хочется, хотя бы в грёзах, хотя бы миг пожить его жизнью, чтобы вспомнить собственную. Но только ненадолго – это засасывает как наркотик и при пробуждении (а пробуждение обязательно случится) велика вероятность впасть в тягчайшее уныние от печальной действительности.

На первом году «отсидки» моё внутреннее «Я» ещё отождествляло себя со свободой. Теперь, к сожалению, это не так. Чувствую, что изменился, адаптировался к стрессовой ситуации – так сказал бы психолог. Есть в этом что-то хорошее: нервная система набила себе шишки, они загубели. Облеклась моя душа в некоторое подобие толстенной скорлупы, чувствительность к душевной боли понизилась. То, что меня могло морально травмировать на свободе, теперь воспринимается как рядовое событие. Таков уж инстинкт самосохранения, заложенный в нас Богом, иначе нервная система не выдержит нагрузки и человек сойдет с ума.

Своеобразное окаменение души, сердечное нечувствие вместе с анестезирующим действием даёт и побочный эффект: мы лишаемся возможности полноценно чувствовать и переживать, трезво оценивать происходящее вокруг. Под давлением ситуации становимся грубее, черствее, и на этом своеобразно удобренном поле возвращаются и укрепляются

низменные пороки. Имена им: гордость, тщеславие, самолюбие. Эти паразиты способны в корне загубить такое определяющее, делающее человека человеком чувство как совесть.

Однажды я читал про одного оптинского монаха, нашего современника, замученного каким-то сатанистом в 1993 году. Мне в память глубоко врезались сказанные им слова, поразившие меня своей правотой: «Тюрьма – тот же монастырь, только в монастыре учат смирению, а в тюрьме – гордости и тщеславию». Я совсем не хочу сказать, что методы воздействия и исправления оступившегося человека в современной российской пенитенциарной системе уж очень печальны. Проблема не в самой системе, а в особенности восприятия человеком такого безутешного состояния, как несвобода. С ним невозможно примириться, к нему можно только привыкнуть. Подобное привыкание и есть начало личностной ущербности.

Самое простое – привыкнуть, но совсем другое дело – не смиряться. Несвободный человек всё-таки даже при условии поражения прав стремится раздвинуть пределы этой несвободы. На помощь приходит сама система приёмами взыскания и поощрения. Будешь лоялен режиму, будешь выполнять неукоснительно все законные и незаконные требования администрации, то получишь послабление в содержании. Всё это прекрасно! Но закон сух, беспристрастен, неумолим и, к сожалению, бывает, слеп. Недаром Фемида – богиня правосудия, олицетворяющая собой это самое пра-

восудие, с повязкой на лице. Она ничего не видит! Она слепа и не видит, как располагаются тарелочки на её весах. Фемида беспристрастна, неумолима, но слепа... Кто же тогда подсказывает ей правильное решение, как рассудить? Да тот же, кто берёт незаслуженное право на себя вершить судьбы человеческие не по совести, не по справедливости, а единственно в угоду себе, чтобы самому легче жилось. Пачкать грязью и презирать других, чтобы не видно было собственной нечистоплотности. Со стороны вроде как присутствует порядок, а на самом деле открыта спекуляция на человеческой совести. Собственно, подобное – не открытие, то же самое встречается на свободе. Зона – это маленькое государство в государстве со своими условиями и рангами. Зона – это правдоподобная карикатура на «большой мир». Она небольшая и здесь всё видно и понятно лучше, чем «там». Люди пытаются ослабить оковы, сохранить достижение, развить успех, зачастую энергично шагая «по головам».

Вот, наконец, сухой треск по радио известил: «Проверка окончена». Опять тот же гул, гул облегчения прокатился по жилой зоне. Локалки ожили, засуетились. Кто-то вновь закурил, кто-то побежал в отряд ставить крепкий чай. Через несколько минут завхозы построят отряды и поведут в столовую, а потом развод на работу. Вот так и начинается день для обыкновенного зека. Философия философией, а естество требует своё – кушать-то здесь всегда хочется.

Глава 3. Первый рабочий день

После завтрака остаётся всего несколько минут, чтобы побыть в отряде, не забыть захватить необходимое перед тем, как дружной стройной толпой выдвинуться на развод.

Задрезжал звонок, дневальный ходит по секции, потопрапливает замешкавшихся на работу. Мы выходим за пределы локального участка, строимся в колонну. Ждём нашего завхоза Андриюху. Он выходит, оглядывает нас оценивающим взглядом. «Так! Пошли что ли?» – это не вопрос, а утверждение – и мы топаем молча туда, где ещё пара сотен таких же подневольных ожидают, когда их выведут на работу из жилой в промышленную зону.

Стоишь руки в брюки, то ли от холода, то ли уже по привычке. Вдруг толпа заключённых оживилась: начали запускать! Опять в колонну и тройками отделяемся от строя, протискиваясь в узкую железную дверь зелёных ворот. Я знаю: там за этой дверью, проржавевшей и скрипучей от времени, начинается «промка» – вроде бы та же самая зона, но всё-таки несколько иная. «Милиция» (так всегда и здесь мест, привыкшие к искажению всего окружающего, величают совершенно неконкретно сотрудников учреждения) здесь либеральнее относится к осуждённым. Грозный кулак администрации, жёстко контролирующей поведение зека в «жилке», в промышленной зоне несколько разжимается. «Пром-

ка» – ограниченная режимная территория исправительной колонии со всеми необходимыми производственными и бытовыми объектами.

В воспоминании остался первый день моего появления на работе. Я шёл вместе со всеми зеками и с удивлением вертел головой по сторонам, поддавливая себя на совершенно безумном ощущении, как будто бы я в самом деле нахожусь не в заключении, а на обыкновенном гражданском объекте. Осуждённые, сколько я уже смог для себя отметить, здесь держали себя вольготнее. «Если убрать заборы с колючей проволокой, вышки, локализованные участки, то никогда и не подумать, что это территория исправительной колонии!» – думал я. Промка показалась мне довольно обширной. Пройдя по дороге метров с сотню, мы взошли на небольшой пригорок, с которого открывался вид почти всех производственных объектов. Я увидел несколько зданий различных цехов, котельную с огромной трубой, уходящей шпилем в небо. Кругом огромные штабеля леса, горой возвышающиеся над всей промкой, и тонкую нитку транспортёра, который, громыхая цепями, напряжено тянул кругляк деловой древесины с нижнего склада на переработку в лесопильные цеха.

Нестройная гурьба заключённых, взобравшись на пригорок, начала разделяться на стайки и рассасываться по цехам. Окликнув меня, несколько растерявшегося с непривычки, мужики из моего отряда показали мне куда идти. Мы за-

шли в деревянную избу – бытовое помещение. Это помещение все называли по-своему ласково – «биндяк», «биндюжка», «биндюга» – в общем, место, где работяги переодевались, пили чай и отдыхали, когда выдавалась такая возможность. Под той же крышей сбоку был оборудован пристрой для душа, где в конце смены нужно было принять душ. Почему именно «нужно» было? Потому что после рабочей смены работники были покрыты смесью копоти, алюминиевой пыли и мазута. Но и душем, в привычном понимании этого слова, я бы тогда, в первый раз, не смог бы назвать это сооружение: никаких кабинок, никаких разделительных перегородок. Просто четыре стены, дверь, которую надо было открывать только пинком, ржавые трубы с продырявленным набалдашником вместо лейки, склизкий бетонный пол и плафон над головой с тусклой лампочкой.

В биндюге работяги быстро рассредоточились по своим обжитым местам. У каждого было своё личное место, свой святой уголок, хозяин которого ревностно отстаивал не только пядь своей территории, но готов был пуститься в драку за каждый сантиметр своей собственности. В колонии, где правила требовали общежительный образ жизни, любая собственность ценилась высоко и возводилась в ранг «святого». Даже сапоги на батарее где попало не поставишь сушиться – обувь будет немедленно выдворена на улицу, либо изрезана заточкой или ещё чего похуже и погадливее.

Я зашёл в бытовое помещение самый последний, оста-

новился посередине. Я уже знал это трепетное отношение зеков к насиженному, поэтому не торопился занимать место. Я внимательно оглядел комнату. Она была разделена на несколько самодельных перегородок. За каждой перегородкой стояла небольшая зачучканная тумбочка, а к стене прибиты незатейливые полочки, где располагалась нехитрая утварь. Впритык к большому и единственному окну была выложена невысокая кирпичная печечка, из которой тянулась железная труба и, выгибаясь, выходила прямо в форточку. Работяги переодевались, шумно переговариваясь или бранясь друг с другом, но искоса внимательно наблюдали за мной, что я буду делать дальше, а вдруг я облажаюсь и займу чужое место. Вот вам и цирк, и юмористический концерт, а может даже, если подфартит, и бесплатный триллер-боевик. В зоне мало развлечений, поэтому стать свидетелем драматической, душераздирающей передряжки, даже самой мелкой и незначительной, желает стать каждый. Особенно, если в главной роли жертвы выступаешь не ты. Это же весело – поглумиться над новеньким!

Моё затруднительное положение внезапно спас оклик.

– Эй, парень! – услышал я чей-то голос сбоку от себя. – Если хочешь, то иди сюда.

В небольшом закутке сидел пожилого возраста мужик. Он не переодевался, он, по-видимому, никуда не торопился, ни с кем не ссорился и не разговаривал. Он сидел в закутке один и неторопливо заваривал себе крепкий чай. Я зашёл к нему

за перегородку и присел на лавку напротив.

– Здорово были, бать! Меня Колянном звать, а погремухи не имею. («погремуха» – кличка [жарг.])

Он посмотрел мне в глаза в первый и последний раз за этот день. В его взгляде не было ни интереса ко мне, ни сочувствия, ни неприятия, ни участия – в этом взгляде не было ничего, только одна усталость и обречённость.

– Анатолий, – он пожал мне руку, – Чифер будешь? – не дожидаясь ответа, Анатолий подал мне алюминиевую кружку, а другой рукой пододвинул ко мне по тумбочке конфету.

Мы с Анатолием чифирили молча. Потом, как это обычно делается, Анатолий достал из кармана пачку сигарет, и мы закурили. В колонии я тогда пробыл ещё только пару дней, поэтому, собственно, с «насущным» у меня были большие проблемы.

– Курить-то есть чего? – спросил Анатолий.

– Нет.

Он протянул мне пачку, которую только достал из кармана и сказал:

– Бери, у меня ещё есть.

Неожиданно в бытовку вихрем ворвался парень моего возраста или даже помладше.

– Кто здесь новенький?

– Я.

– Иди, тебя учётчик зовёт.

В кабинете учёточка Сергея, моего будущего непосредственного начальника, обстановка убранства меня совсем расслабила на некоторое время. Разговор сложился такой неформальный, непривычный для этих мест, что в моих глазах учёточка перестал быть просто заключённым, как и я. После жилой зоны, где, так выразиться, каждый метр перегороден решётками, в кабинете Сергея я чувствовал себя, как будто пришёл устраиваться на «вольную» работу. Широкий стол, канцелярские принадлежности, картины на стене, кресло и даже диван, в углу стоял сейф с воткнутыми ключами – здесь совершенно ничего не напоминало зону строгого режима. Просто и без лишних слов будущий производственный руководитель растолковал мне сложившуюся ситуацию:

– У нас здесь, Николай, никто никого заставлять работать не собирается. Не хочешь работать – не надо мучить ни себя, ни других. Желающих работать достаточно и без тебя, поэтому в первый же день реши для себя твёрдо, пока есть выбор: мы работаем, и у нас не возникает друг к другу никаких претензий, или же ты отправляешься обратно в отряд. Пойди, осмотришь и скорее принимай решение!

Я отправился в цех, присматриваясь к необычной для меня обстановке. Огромное из кирпича, длиннущее помещение, как мне показалось в первый раз, было «накрыто» полукруглым деревянным сводом. На рабочих местах копошились люди. Работа, которую они выполняли, была для меня незнакома и интересна. Это был цех стальных сердечни-

ков. Он специализировался на выпуске алюминиевых кабелей, разных по толщине калибров. Примерно такие провода цепляют на высоковольтные линии или между фонарными столбами. По всему цеху стояли вытянутые в длину на десятков метров махины с вращающимися полыми цилиндрами, из отверстий которых просматривались подвешенные люльки с катушками проволоки. Когда я увидел вблизи включение этой установки, мне стало так страшно, что даже попятился назад. Пол заходил ходуном. Невообразимый грохот набирающей обороты многотонной «сигары», шум, свист, порывы нагнетаемого кручением воздуха вселяли в меня чувство, подобное смятению. А ещё я испытал чувство искреннего уважения к человеку, управляющему этой громадиной. Казалось, ещё чуть-чуть, и «сигара» (так в просторечии именовалась машина) соскочит с роликов и взовьётся под купол цеха, а этот парень, скрутик по специальности, даже усом не вёл: как запрограммированный, он молниеносно выполнял неведомые мне манипуляции с пультом управления, бегал взад и вперёд по всей длине, действительно походившей своей выпуклостью на сигару установки, останавливал громадину, отстёгивал и вытаскивал из её полости одной рукой, хоть уже и пустые, но всё равно тяжеленные железные катушки, заправлял в люльки новые и снова работал, работал... Его умение, ловкость и мастерство приводили меня в восхищение!

Во всём цехе только три таких машины. Весь день я око-

лачивался возле них, приглядывался, присматривался к работе скрутчиков, размышлял, прикидывал и, наконец, принял-таки решение, что хочу научиться так же споро управлять крутильной машиной, как и эти, ставшие мне симпатичными, люди.

В конце смены работяги пошли в душ смывать себя алюминиевую крошку, мазут и накопившуюся за день усталость. А я, устроившись на лавочке у стены цеха и поджидая их, схватывал, сколько возможно было взглядом, территорию промышленной зоны. Там вот высоченный кран крутится вокруг своей оси, перекладывая с одного места на другое тучные охапки брёвен. Около эстакады, зычно поругиваясь, плавает в топкой жиже чёрного древесного перегноя трактор-трелёвочник. Автопогрузчик, которым управляет уже знакомый водитель, вывозит из цеха упакованные в деревянную тару и готовые к транспортировке барабаны с километрами алюминиевого кабеля. После шумного цеха мне казалось, что на улице как будто замерла тишина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.